

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ В ТУРЦИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.

© 2026

А. Г. Гаджиев¹

В статье рассматриваются конституционные поправки, принятые в Турции в первой четверти XXI в. В результате принятия и реализации этих поправок менялась политическая система республики. В работе отмечается, что трансформацию политического устройства турецкого государства с начала нового столетия по настоящее время целесообразно разделить на четыре стадии. В основе этой периодизации лежат взаимоотношения в треугольнике «президент–парламент–правительство». Ключевой вектор развития этих взаимоотношений в течение рассматриваемого периода был направлен в сторону их «президентциализации», то есть в сторону возвышения возглавляемого Реджепом Тайипом Эрдоганом института власти над другими государственными структурами. В статье подчеркивается, что, несмотря на большое количество поправок, внесенных в текст действующей турецкой конституции 1982 г., принятой вследствие военного переворота 1980 г., лидеры Партии справедливости и развития по-прежнему сохраняют стремление принять новую конституцию, которая, по их убеждению, должна быть разработана гражданскими лицами и отвечать реалиям сегодняшнего дня. У оппозиционных сил на этот счет свое мнение, отличное от представлений правящей партии, что делает задачу принятия новой конституции делом довольно непростым со сложно предсказуемым результатом.

Ключевые слова: конституция, поправки, Эрдоган, политическая система, трансформация, «президентциализация»

Для цитирования: Гаджиев А. Г. Конституционные реформы в Турции в первой четверти XXI в. Вестник Института востоковедения РАН. 2026. № 2. С. 172–180. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-172-180

CONSTITUTIONAL REFORMS IN TÜRKİYE IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY

Amur G. Gadzhiev

The article examines the constitutional amendments adopted in Türkiye in the first quarter of the 21st century. The adoption and implementation of these amendments resulted in changes to the republic's political system. The paper notes that the transformation of the Turkish political system from the beginning of the new century to the present can be conveniently divided into four stages. This periodization is based on the relationships within the “president–parliament–government” triangle. The key vector of these relationships during the period under review was toward “presidentialization”, that is, the elevation of the institution of power led by Recep Tayyip Erdogan over other state structures. The article emphasizes that, despite the numerous amendments made

¹ Гаджиев Амур Гаджибабаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; djakar@mail.ru

Amur G. Gadzhiev, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; djakar@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9870-3171

to the current Turkish Constitution of 1982, adopted following the 1980 military coup, the leaders of the Justice and Development Party remain committed to adopting a new constitution, which, they believe, should be drafted by civilians and reflect contemporary realities. Opposition forces have their own views on this matter, differing from those of the ruling party, making the task of adopting a new constitution a rather complex undertaking with an unpredictable outcome.

Keywords: constitution, amendments, Erdogan, political system, transformation, “presidentialization”

For citation: Gadzhiev A. G. Constitutional Reforms in Türkiye in the First Quarter of the 21st Century. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 172–180. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-172-180

Роль государства в мировой политике во многом определяется его внешней политикой, которая служит инструментом реализации национальных интересов, целей и принципов на международной арене. Через внешнюю политику государство регулирует свои отношения с другими субъектами международных отношений, участвует в экономическом обмене и обеспечивает свою безопасность. Растущая роль Турции в мировой политике обусловлена трансформацией ее внешней политики, которая в свою очередь в определенной степени явилась отражением внутривнутриполитических перемен в стране. В результате многочисленных конституционных поправок, принятых в первой четверти XXI в., в турецкой внешней политике произошли значимые структурные преобразования, которые заметно повысили роль президента в вопросах формирования и осуществления внешней политики и во многом ускорили процессы принятия решений.

Соответственно, для понимания турецкой специфики процесса принятия внешнеполитических решений важным представляется анализ конституционных поправок, закреплявших текущий и определявших дальнейший вектор развития турецкой политической системы. Именно в конституции закреплены основы политического устройства республики.

В настоящее время в Турции действует конституция, принятая на всенародном голосовании 7 ноября 1982 г. Ее авторами были военные, захватившие власть в результате переворота 1980 г. За прошедшие 43 года турецкая конституция претерпела множество изменений. Поправки вносились 23 раза. Первая была внесена в 1987 г., последняя — в 2017 г. В текущем столетии конституционные поправки в Турции принимались в 2001, 2004, 2007, 2010 и 2017 гг.

В 2001 г. текст турецкой конституции был изменен в связи с подготовкой к вступлению в ЕС и необходимостью в приведении основных гражданских прав и свобод в соответствие с Европейской конвенцией по правам человека. Среди внесенных поправок выделялись следующие: устранение ограничений на свободу слова и выражения мнений; отмена смертной казни (за исключением преступлений, связанных с терроризмом, совершенных в условиях войны или в случаях ее угрозы); сокращение сроков пребывания под стражей задержанных и арестованных лиц; запрет на использование сведений, добытых незаконным путем, в качестве доказательств и т. д. [Tülen, 2001, s. 242–243]. Поправки 2001 г., направленные преимущественно на демократизацию турецкого общества и повышение стандартов в области прав человека, были приняты в соответствии с целями Анкары по евроинтеграции и приведению внутренней и внешней политики в соответствие с западными стандартами. В ходе внесения поправок особое внимание уделялось тому, чтобы текст турецкого основного закона максимально соответствовал Копенгагенским критериям [Aliefendioğlu, s. 35–36].

Поправки, внесенные в турецкую конституцию в 2004 г., закрепили принцип равноправия мужчин и женщин, окончательно отменили смертную казнь, расформировали суды государственной безопасности, провозгласили приоритет международно-правовых норм в области прав человека и т. д. [Eren, 2004, s. 47–48]. Среди изменений, внесенных с целью гармонизации турецкого

конституционного права с «правовым наследием» (*‘acquis communautaire’*) ЕС, наиболее важной считается поправка к ст. 90. Согласно новой редакции турецкой конституции, в вопросах соблюдения основных прав и свобод приоритет отныне отдавался международным соглашениям. В рамках процесса вступления Турции в ЕС данная поправка представлялась в качестве обязательной. В отчетах ЕС о развитии Турции по этому поводу указывалось, что данные международные соглашения в отдельных странах ЕС также имеют основополагающее значение [Bilir, 2004, s. 248].

В Отчете ЕС о развитии Турции по итогам 2004 г. отмечалась важность соответствия турецкой административной системы условиям Евросоюза: «Европейский союз уверен в том, что если этот пакет окажется успешно введенным в административно-политическую жизнь Турции, то будет проделан значительный и обязательный путь в области модернизации турецкой административной культуры»².

В 2007 г. по итогам референдума был принят пакет поправок к Конституции, в результате которых президентские выборы стали прямыми. Глава государства стал избираться на пять лет с возможностью переизбрания еще на один срок (ранее президента избирал парламент на семь лет). Поправки закрепили проведение президентских выборов в два тура, а также сокращение срока полномочий законодательного собрания с пяти до четырех лет [Zorlu, 2016, s. 64–65]. Конституционные изменения 2007 г. позволили Реджепу Тайипу Эрдогану впервые баллотироваться в президенты на выборах 2014 г. После его избрания в Турции начались дискуссии о будущей системе правления, продолжавшиеся до 2017 г., когда были приняты очередные конституционные поправки и страна перешла от парламентской системы к президентской. Соответственно можно сказать, что трансформация политического устройства республики стала во многом возможной благодаря поправкам 2007 г., которые позволили турецкому народу избирать своего президента напрямую [Tunç, 2025, s. 47–48].

Очередной пакет конституционных поправок был принят в результате референдума 12 сентября 2010 г. Пакет поправок предусматривал 26 изменений. Они касались реформирования системы правосудия, в частности, Конституционного суда и Высшего совета судей и прокуроров; предусматривали возможность возбуждения уголовных дел в отношении военных в гражданских судебных инстанциях; передавали полномочия по возбуждению дел о роспуске политических партий от апелляционного суда парламенту и т. д. По мнению турецких специалистов по конституционному праву, поправки 2010 г. внесли серьезные изменения в судебную систему страны, и очень важно, что данные поправки были приняты в мирное время без какого-либо вмешательства со стороны военных, что, по их утверждению, произошло впервые со времен конституции 1961 г. [Kaboğlu, 2016, s. 166]. Отдельно следует отметить, что за поправки на референдуме проголосовало 58% населения. С этого момента проправительственные СМИ стали активнее продвигать идею о том, что турецкий народ требует собственную конституцию, а не ту, которая была навязана ему военными [Nakyemez, 2010, s. 388–389].

После попытки военного переворота в июле 2016 г. процесс перехода к президентской форме правления заметно ускорился. В декабре 2016 г. Партия справедливости и развития (ПСР) внесла в парламент пакет очередных конституционных поправок, предполагавших соответствующие перемены во властных структурах государства. В январе следующего года пакет из 18 конституционных поправок был одобрен парламентом. Тогда за изменение конституции высказались 339 депутатов из 550. Этого оказалось достаточно для того, чтобы вынести поправки на всенародное голосование. В итоге в апреле 2017 г. в Турции состоялся конституционный референдум. Победу

² 2004 Yılı Türkiye İlerleme Raporu, 09.11.2004. AB Haber (EU-Turkey News Network). URL: <https://www.abhaber.com/haber.php> (дата обращения: 06.02.2026).

с перевесом в 2,82% (1 379 934 голоса) одержали сторонники реформ. В Турции начала укореняться президентская форма правления [Uzun, 2018, s. 174–175].

Пакет изменений 2017 г. предполагал, что президент становится главой государственной системы, наделяется полномочиями по назначению вице-президентов, министров и высокопоставленных чиновников. Должность премьер-министра упразднялась. Решения по созданию, расформированию, полномочиям, обязанностям и структуре министерств отныне будут приниматься в соответствии с указами президента. Президент получал право объявлять режим чрезвычайного положения, возможность издавать указы, имеющие силу закона. Отменялась обязательная беспартийность президента. Увеличивалось число депутатов парламента — с 550 до 600. Возрастной порог для кандидатов на выборные посты снижался с 25 до 18 лет. Решение о повторных выборах смогут принимать как парламент, так и президент. Выборы в органы законодательной и исполнительной властей будут проводиться в один день. Парламент и президент будут избираться на пять лет, при этом глава государства сможет занимать пост не более двух сроков подряд. Президент получал право распустить парламент, но и сам при этом должен быть переизбран³.

Следует заметить, что содержание конституционных поправок 2001 г. и 2004 г. отличается от содержания последующих изменений. В ходе подготовки первых двух поправок мы видим заметные усилия со стороны гражданского общества. Активно вовлечены такие общественные организации как Турецкая ассоциация промышленников и предпринимателей (TÜSIAD), Союз турецких ассоциаций адвокатов (TBV), Союз торговых палат и товарных бирж Турции (TOBB), Инициатива гражданской конституции и др. Кроме того, налицо внешнеполитический фактор в виде Европейского союза, его отчетов, рекомендаций и оценок.

С другой стороны, конституционные реформы 2007, 2010 и 2017 гг. тесно связаны с процессом «президентализации». Здесь целесообразно использовать терминологию профессора сравнительной политологии Дюссельдорфского университета им. Генриха Гейне Томаса Погунтке и заведующего кафедрой политологии Казанского федерального университета Олега Зазнаева, которые видят в процессе «президентализации» сдвиг ресурсов политической власти от коллективных акторов (таких как кабинеты министров, политические партии и т. д.) к отдельным лидерам, увеличивая автономию последних [Зазнаев, 2014, с. 10–33].

С этой точки зрения политический процесс при правлении Р. Т. Эрдогана представляет собой наглядный пример последовательной эволюции формы правления от парламентской модели к полупрезидентской и далее к системе с преобладающими президентскими чертами.

Развивая идеи Т. Погунтке и О. Зазнаева применительно к внутривнутриполитическим процессам в Турции, к интересным выводам приходят сотрудники факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова профессор Игорь Кузнецов и его аспирант Анатолий Бахарев в таких работах как «Взаимодействие президента, правительства и парламента в полупрезидентских системах: сравнительный анализ опыта России, Украины и Турции» [Бахарев, Кузнецов, 2019, с. 105–126], «Процесс президентализации Турции в период правления Р. Т. Эрдогана: возможности и ограничения» [Бахарев, 2024, с. 134–160].

Процесс «президентализации» турецкой политической системы И. Кузнецов и А. Бахарев разделяют на четыре периода: первый длился с 2002 по 2007 г. Для этого периода характерно конфликтное сосуществование президента и премьер-министра. Тогда во главе государства находился сторонник кемалистских взглядов, экс-глава Конституционного суда Ахмет Недждет Сезер. За период с 2003 по 2007 г. он использовал право вето чаще, чем любой другой президент в истории

³ Конституционный референдум в Турции в 2017 году. РИА Новости. 24.04.2017. URL: <https://www.ria.ru/20170424/1492828175.html> (дата обращения: 06.02.2026).

Турции. Оппозиционные силы, заручившись поддержкой главы государства, четырежды инициировали в Конституционном суде иск о запрете правящей ПСР [Бахарев, 2024, с. 142–143].

Конфликтное взаимодействие премьер-министра и президента продолжалось до 2007 г., когда ПСР со второй попытки добилась избрания Абдуллы Гюля главой государства. Избрание А. Гюля обусловило переход Турции к полупрезидентской форме правления. Соответственно, согласно периодизации А. Бахарева, второй период стартовал в 2007 г. и длился до 2014 г. Главной особенностью данного периода стала консолидация власти в рамках треугольника «президент–парламент–правительство». В это время наблюдалась конструктивная модель взаимодействия президента и премьер-министра. Будучи политическими союзниками и основателями ПСР, Р. Т. Эрдоган и А. Гюль проводили единую политическую линию [Бахарев, 2024, с. 143].

Анализируя систему взаимодействия президента и премьер-министра второго периода, следует отметить, что А. Гюль, являясь в определенной степени влиятельным и популярным политиком, не выдвигал претензий на лидерство, что способствовало развитию конструктивного сотрудничества между ним и Р. Т. Эрдоганом. Данную систему взаимодействия можно рассматривать, по мнению А. Бахарева, как «систему распределенного лидерства» при неформальном доминировании Р. Т. Эрдогана. Консолидация власти позволила ПСР приобрести новые институциональные возможности, используя которые она добилась установления президентского контроля над процедурами назначения судей Конституционного суда, а также отмены особой юрисдикции военных судов. Таким образом, лидеры ПСР, во-первых, минимизировали возможную юридическую угрозу со стороны судебной системы, во-вторых — заметно повысив влияние президента на высшие органы судебной власти, укрепили его позиции в треугольнике «президент–парламент–правительство» [Бахарев, 2024, с. 143].

Конструктивное политическое взаимодействие Р. Т. Эрдогана и А. Гюля было нарушено в 2013 г. Причиной стал внутрипартийный конфликт в ПСР, спровоцированный общенациональными протестами, которые летом 2013 г. начались в виде митинга против сноса парка Гези в Стамбуле. В то время как А. Гюль рассматривал протесты в качестве проявления демократии, но при этом считал ошибочными аналогии с арабскими революциями на Ближнем Востоке, Р. Т. Эрдоган, опасаясь дальнейшего разрастания протестного движения, утверждал, что вспыхнувшие в Турции беспорядки не имеют с демократией ничего общего [Сосинский-Семихат, 2013]. В результате Р. Т. Эрдоган подверг А. Гюля, а вместе с ним и вице-премьера Бюлента Арынча публичной критике. Данные обстоятельства осложнили взаимодействие президента и премьер-министра, в результате чего их общение стало все заметнее приобретать контуры конфликтного взаимодействия. В итоге по завершении президентского срока А. Гюль был исключен из состава управленческой элиты ПСР [Бахарев, 2024, с. 143–144].

В 2014 г. вступил в силу механизм всенародного избрания президента. Глава государства приобретал легитимность, превосходящую легитимность премьер-министра. Опираясь на народный мандат доверия, президент получил право определять основные векторы политического развития государства. С этого года наступает третий период, который длился до 2018 г. Данный период характеризуется персонализацией власти и концентрацией полномочий в руках президента. Р. Т. Эрдоган стал первым всенародно избранным президентом. Властные полномочия премьер-министра снизились. С 2014 по 2016 г. мы наблюдаем формирование новых политических реалий в стране. С одной стороны, наступает время межпартийного коалиционного взаимодействия, преимущественно Р. Т. Эрдогана и Девлета Бахчели. С другой стороны — формируется политическая связка Р. Т. Эрдогана и Ахмета Давутоглу. При этом Р. Т. Эрдоган сконцентрировал свои усилия на внутренней политике, продвигая новые конституционные реформы, а А. Давутоглу в рамках реализации

курса на превращение Турции в регионального лидера аккумулировал внешнеполитические полномочия [Бахарев, 2024, с. 144].

Взаимодействие Р. Т. Эрдогана и А. Давутоглу оказалось недолгим. Разногласия между президентом и премьер-министром по вопросам проведения дальнейших конституционных реформ, урегулирования курдской проблемы, а также некоторых аспектов внешней политики привели к отставке А. Давутоглу. В результате в турецком кабинете министров не осталось тех политических деятелей, которые наряду с Р. Т. Эрдоганом основали Партию справедливости и развития [Бахарев, 2024, с. 144].

Заметное влияние на темпы и характер эволюции турецкой системы правления оказали меры, предпринятые после неудачной попытки военного переворота 15 июля 2016 г. Одним из итогов успешного подавления попытки свержения действующей власти стало ускоренное продвижение нового проекта конституционных поправок, основной целью которых было создание условий для дальнейшей «президентализации» взаимоотношений в треугольнике «президент–парламент–правительство». Изменения, принятые по итогам референдума 2017 г., вступили в силу после президентских и парламентских выборов 2018 г., позволив продолжить процесс смещения баланса политических ресурсов в пользу президента. Так, Р. Т. Эрдоган получил полномочия по формированию правительства и определению направления его политики, возможность фактического роспуска парламента (путем принятия решения о повторных выборах) и право издавать указы, имеющие силу законов. Кроме того, согласно конституционным поправкам, вступившим в силу в 2018 г., значительно ограничивалась подотчетность кабинета министров парламенту, что было закреплено отменной практики официальных депутатских запросов [Бахарев, 2024, с. 145].

Выборы 2018 г. с точки зрения турецкой политической культуры оказались во многом уникальными. Во-первых, потому, что впервые граждане Турции одновременно избирали и парламент страны, и главу государства. Во-вторых, никогда ранее в истории современной Турции выборы не проводились в условиях действовавшего на территории всей страны режима чрезвычайного положения. В-третьих, выборы 2018 г. ознаменовали собой фактическое начало новой страницы в политической истории Турции, поскольку, с одной стороны, стали первыми и после попытки военного переворота, и после конституционного референдума о расширении полномочий президента, с другой — формально явились последним этапом на пути к созданию президентской республики. В-четвертых, на выборах 2018 г. наряду с отдельными политическими партиями участвовали как внутрипартийные (главным образом в составе прокурдской Демократической партии народов), так и межпартийные коалиции — «народный альянс» («cumhur ittifakı») в составе правящей Партии справедливости и развития (ПСР) и Партии националистического движения (ПНД) и «национальный блок» («millet ittifakı»), состоявший из Народно-республиканской партии (НРП), Партии человечности, новаций и добра («Хорошей партии») и Партии счастья [Гаджиев, 2018].

Следует, однако, отметить, что само по себе коалиционное взаимодействие политических партий — явление для Турции не новое. В то же время ряд мотивационных аспектов в нынешних политических конфигурациях обращает на себя внимание. Мотивы объединения участников «народного альянса» были понятны, поскольку, с одной стороны, имелись определенные опасения по поводу того, что Р. Т. Эрдогану не удастся набрать необходимый минимум в первом туре голосования, а второй тур мог бы преподнести неожиданные «сюрпризы». С другой стороны, ПСР не желала повтора сценария июня 2015 г., когда в условиях отсутствия политических союзников правящая партия пусть и одержала победу, но потеряла большинство в парламенте, что привело тогда к политическому кризису в стране, поскольку так и не удалось сформировать правительство. В свою очередь сторонники ПНД опасались того, что не смогут преодолеть избирательный барьер

в 10%. Таким образом, оба участника «народного альянса» за счет объединения усилий решали собственные задачи и преуспели в этом. Мотивы же «национального блока» не столь однозначны, как в случае с «народным альянсом». Если союз НРП с Хорошей партией еще можно было объяснить опорой на схожие идеологические основы и цели, то их альянс с ПС, лидеры которой сохраняли курс на исламизацию страны и в своей предвыборной декларации отмечали, что занимаются политикой «ради довольства Аллаха», вызывал вопросы. Ведь известно, что лидеры НРП в своих предвыборных обещаниях неоднократно заявляли о том, что в случае победы на выборах приложат максимальные усилия для того, чтобы «вытеснить религию из политики» и «прекратить практику ее использования в качестве инструмента политической власти». Получалось, что участников «национального блока» объединяли не долгосрочные цели, а тактические задачи, связанные с прохождением в парламент, поскольку было очевидно, что ПС по духу гораздо ближе к правящей ПСР, нежели к НРП или Хорошей партии. Об этом свидетельствует и история возникновения ПСР, изначальное ядро которой, провозгласившее «обновленный курс» развития страны на основе сочетания консервативных ценностей, традиционного ислама и евроинтеграции, в свое время возникло путем откола от ПС.

Касательно нового парламента многие эксперты отмечали, что увеличение числа депутатов — с 550 до 600 человек — и созыва — с 4 до 5 лет, а также снижение возраста кандидатов в депутаты с 25 до 18 лет и другие подобные изменения в некоторой степени расширили его представительные функции. Однако новый парламент был лишен непосредственного контроля над деятельностью правительства и был ограничен в применении механизма импичмента главы государства. А потому и объем контрольно-надзорных функций нового турецкого парламента в отношении органов исполнительной власти заметно ограничился. С другой стороны, в условиях продолжения реализации нормативно-правовых актов по адаптации системы сдержек и противовесов к новым реалиям в связи с переходом страны на президентскую форму правления, принятых органами исполнительной власти в рамках действовавшего режима ЧП, и введения в действие практики президентских указов наблюдалась фактическая узурпация полномочий законодательной власти в части ее правотворческих функций.

Итак, в рамках обновленной турецкой конституции предусматривалось два механизма: 1) синхронизация сроков полномочий президента и парламента (и, соответственно, президентских и парламентских выборов, что объективно снижает вероятность победы на них противостоящих сил); 2) возможность досрочного роспуска парламента (как по инициативе парламентариев, так и по инициативе главы государства), за которым следуют новые (одновременно проводимые) парламентские и президентские выборы. Должность премьер-министра функционально была замещена должностью вице-президента. При этом турецкий вице-президент является скорее чиновником Администрации Президента, а не публичным политиком, поскольку, согласно действующей редакции конституции, вице-президент не избирается народом на выборах, а назначается действующим президентом. Таким образом, четвертый период, характеризующийся консолидацией исполнительной власти в руках президента, целесообразно начинать с 2018 г. Данный период продолжается по настоящее время. Вместе с тем следует отметить гибкость политической системы, установленной конституцией 1982 г., которая позволила сохранить лидирующие позиции Р. Т. Эрдогана вне зависимости от формально занимаемых им постов с 2003 г. [Бахарев, 2024, с. 145–146].

В последнее время все чаще со стороны представителей правящей партии звучат заявления о том, что Р. Т. Эрдоган может выдвинуть свою кандидатуру еще на один президентский срок. Такую вероятность допустил и сам президент республики, когда выступал в январе 2026 г. на съезде провинциальных отделений ПСР. Однако для этого необходимо принять соответствующие поправки

к действующей конституции, а лучше, по мнению Р. Т. Эрдогана, принять новую. Ранее турецкий лидер неоднократно обращался ко всем политическим силам страны с призывом активно участвовать в разработке проекта новой конституции. По его словам, нынешний основной закон республики был принят после военного переворота и уже не отвечает вызовам современности, несмотря на ряд внесенных поправок. Во многом именно поэтому сегодня вопрос о принятии новой конституции является одной из главных задач ПСР, которая, помимо всего прочего, настроена существенно сократить ее текст до 90–100 статей, в отличие от 177 статей и 16 временных пунктов в нынешнем документе.

Согласно действующему основному закону страны, для принятия новой конституции или для внесения соответствующих изменений в действующую конституцию необходимо одобрение не менее 400 депутатов, а для вынесения конституционных поправок на референдум нужна поддержка 360 депутатов. Однако в настоящее время общее число парламентариев в составе правящего «Народного альянса» составляет 315 человек. Соответственно, сторонникам Р. Т. Эрдогана не хватает как минимум 45 депутатов, чтобы вынести конституционные поправки хотя бы на референдум.

Тем временем между главными политическими силами Турции сохраняются существенные разногласия относительно ключевых положений новой конституции. Так, правящая партия предлагает внести в будущий основной закон государства положения о сохранении президентской системы, принятой на референдуме 2017 г. Главная оппозиционная Народно-республиканская партия же выступает за кардинальное изменение системы правления и возвращение к парламентской республике. В такой ситуации единственный вариант для ПСР — обратиться к прокурдской Партии народного равенства и демократии (ПНРД) с 57 депутатами в национальном меджлисе, что и было сделано. Возник естественный торг, в результате которого турецкие власти через лидера ПНРД Д. Бахчели подали недвусмысленный сигнал о своем благосклонном отношении к решению курдской проблемы. В обмен на это Р. Т. Эрдоган сможет не только вынести проект поправок или даже новой конституции на общенародное голосование, но и заручиться поддержкой со стороны курдского населения в ходе предстоящей предвыборной гонки.

Литература / References

Бахарев А. А., Кузнецов И. И. Взаимодействие президента, правительства и парламента в полупрезидентских системах: сравнительный анализ опыта России, Украины и Турции. *Политическая наука*. 2019. № 4. С. 105–126 [Bakharev A. A., Kuznetsov I. I. Interaction between the president, government and parliament in semi-presidential systems: a comparative analysis of the experience of Russia, Ukraine and Turkiye. *Political Science*. 2019. No. 4. Pp. 105–126 (in Russian)].

Бахарев А. А. Процесс президенциализации Турции в период правления Р. Т. Эрдогана: возможности и ограничения. *Политическая наука*. 2024. № 3. С. 134–160 [Bakharev A. A., The process of presidentialization of Turkiye during the reign of R. T. Erdogan: opportunities and limitations. *Political Science*. 2024. No. 3. Pp. 134–160 (in Russian)].

Зазнаев О. И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии. *Политическая наука*. 2014. № 1. С. 10–33 [Zaznaev O. I., Understanding Forms of Government in Foreign Political Science: Latest Discussions. *Political Science*. 2014. No. 1. Pp. 10–33 (in Russian)].

Bilir F. 2004 Anaysa Değişiklikleri Üzerinde Bir Değerlendirme. *Gazi Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. Cilt: IX. Sayı: 1–2. 2004. S. 239–251 [Bilir F. An Evaluation of the 2004. Constitutional Amendments. *Gazi University Faculty of Law Journal*. 2004. Vol. IX. No. 1–2. Pp. 239–251 (in Turkish)].

Eren A. 1982 Anayasası'nın 90. Maddesindeki 2004 Değişikliğinin Anlaşmaların Türk İç Hukukundaki Yerine Etkisi. *Atatürk Üniversitesi Erzincan Hukuk Fakültesi Dergisi*. Cilt: VIII. Sayı: 3–4. 2004. S. 47–77 [Eren A. The Impact of the 2004 Amendment to Article 90 of the 1982 Constitution on the Place of Treaties in Turkish Domestic Law. *Atatürk University Erzincan Faculty of Law Journal*. 2004. Vol. VIII. Iss. 3–4. Pp. 47–77 (in Turkish)].

Hakyemez Y. Ş. 2010 Anayasa Değişiklikleri ve Demokratik Hukuk Devleti. *Gazi Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. Cilt: XIV. Sayı: 2. 2010. S. 387–406 [Hakyemez Y. Sh. 2010 Constitutional Amendments and the Democratic Rule of Law. *Gazi University Faculty of Law Journal*. 2010. Vol. XIV. Iss. 2. Pp. 387–406 (in Turkish)].

Kaboğlu İ. *Türkiye'nin Anayasa Gündemi*. İstanbul: İletişim yay, 2016 [Kaboğlu I. *Turkiye's Constitutional Agenda*. İstanbul: İletişim Publications, 2016 (in Turkish)].

Tunç B. Türk Anayasa Tarihinde Cumhurbaşkanının Halk Tarafından Seçilmesini Sağlayan 2007 Anayasa Değişikliği Üzerine Bir İnceleme. *Kocaeli Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. Sayı: 32. Aralık 2025. S. 31–51 [Tunch B. A Study on the 2007 Constitutional Amendment that Enabled the Election of the President by the People in Turkish Constitutional History. *Kocaeli University Faculty of Law Journal*. Iss. 32. December 2025. Pp. 31–51 (in Turkish)].

Tülen H. 3.10.2001 Tarihli ve 4709 Sayılı Kanunla Yapılan Anayasa Değişiklikleri Üzerine Genel Bir Değerlendirme. *Atatürk Üniversitesi Erzincan Hukuk Fakültesi Dergisi*. Cilt: V. Sayı: 1–4. 2001. S. 191–243 [Tulen H. A General Assessment of the Constitutional Amendments Made by Law No. 4709 Dated 3.10.2001. *Ataturk University Erzincan Faculty of Law Journal*. 2001. Vol. V. Iss. 1–4. Pp. 191–243 (in Turkish)].

Uzun Y. Nisan F. 16 Nisan 2017 Anayasa Değişikliği Referandum Sürecinin Ulusal Basındaki Haber Çerçevesi Üzerine Bir Çalışma. *İnönü Üniversitesi İletişim Fakültesi Dergisi*. Cilt: 3. Sayı: 1. Mayıs 2018. S. 159–176 [Uzun Y. Nisan F. A Study on the Framing of National Press Coverage of the April 16, 2017 Constitutional Amendment Referendum Process. *Inonu University Faculty of Communication Journal*. May 2018. Vol. 3. Iss. 1. Pp. 159–176 (in Turkish)].

Zorlu S. E. 5678 Sayılı Kanunla Gerçekleştirilen Anayasa Değişikliği Sonrası Cumhurbaşkanı'nın Seçimi ve Demokratik Seçimin Genel İlkeleri. *Selçuk Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. Cilt: 24. Sayı: 1. 2016. S. 37–68 [Zorlu S. E. The Election of the President and General Principles of Democratic Elections After the Constitutional Amendment Made by Law No. 5678. *Selchuk University Faculty of Law Journal*. 2016. Vol. 24. No. 1. Pp. 37–68 (in Turkish)].

Электронные ресурсы / Electronic resources

Гаджиев А. Турецкая Республика — еще не президентская, но уже не парламентская. *РСМД*. 02.07.2018 [Gadzhiev A. The Turkish Republic — not yet presidential, but no longer parliamentary. *RIAC*. 02.07.2018]. URL: <http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turetskaya-respublika-eshche-ne-prezidentskaya-no-uzhe-ne-parlamentskaya/> (дата обращения: 06.02.2026).

Конституционный референдум в Турции в 2017 г. *РИА Новости*. 24.04.2017 [Constitutional referendum in Türkiye in 2017. *RIA Novosti*. 24.04.2017]. URL: <https://www.ria.ru/20170424/1492828175.html> (дата обращения: 06.02.2026).

Сосинский-Семихат Ю. Массовые протесты в Турции демонстрирует разочарование в обществе. *Pravda.ru*. 10.06.2013 [Sosinsky-Semikhat Yu. Mass protests in Türkiye demonstrate disappointment in society. *Pravda.ru*. 10.06.2013]. URL: <https://www.pravda.ru/world/1160561-turkey/> (дата обращения: 06.02.2026).

2004 Yılı Türkiye İlerleme Raporu, 09.11.2004. *AB Haber (EU-Turkey News Network)* [Turkey's 2004 Progress Report, 09.11.2004. *EU News (EU-Turkey News Network)*]. URL: <https://www.abhaber.com/haber.php> (дата обращения: 06.02.2026).

Aliefendioğlu Y. 2001 Yılı Anayasa Değişikliklerinin Temel Hak ve Özgürlüklerin Sınırlandırılmasında Getirdiği Yeni Boyut. S. 1–36 [Aliefendioğlu Y., The New Dimension Brought by the 2001 Constitutional Amendments in the Restriction of Fundamental Rights and Freedoms. Pp. 1–36]. URL: <https://www.anayasa.gov.tr/media/4639/aliefendioğlu.pdf> (дата обращения: 06.02.2026).